

Internationale Zeitschrift für Kulturkomparatistik

Band 12 (2024): *Political Poetry, Performativity, and the Internet*

Herausgegeben von Anna Fees, Henrieke Stahl and Claus Telge

Арсеньев, Павел: Как научиться не писать стихи (текст-перформанс). In: IZfK 12 (2024). 7-19.

DOI: 10.25353/ubtr-izfk-7caf-77cb

Павел Арсеньев

Как научиться не писать стихи (текст-перформанс)

How to learn not to write poetry

This text is a free and intradiegetic interpretation of what took place at dusk on the 15th of February in the city of Giessen, in the German federated state of Hesse, at one of the last conferences of Slavists on the very brink of the pandemic era.

Keywords: text-performance, textual art, poetic objects, machines and installations, techno-anthropology of writing, precarization of reading, informational overload.

...Когда предыдущая секция уже заканчивалась докладом одного культуролога и сына культуролога об одном поэте и сыне поэта, хотелось думать о разрубании цепей истории и целительной амнезии. Хотя в ту эпоху речь уже и шла о литературе от лица *game studies*, а сама так называемая поэзия уже и представляла собой скорее примеры текстовых квестов и образцы лингвистического дизайна, академические конференции продолжали воспроизводить телесные репертуары *key-speaker* и передавать идеалы из поколения в поколение.

Во время обеда, непосредственно предшествовавшего заключительной и собственно факультативной части одного из таких постпоэтических вечеров, царит уже слегка выходное настроение, вываливается солнце, и хочется сгонять в супермаркет за пивком. Но таковое оказывается в факультетской столовой, что весьма удобно – пусть и безалкогольное, а все же на душе делается легче, душе вообще на второй день конференции много не надо.

После этого все же необходимо сесть и подготовиться к выступлению, которое, хотя и будет проходить скорее по разряду мелкого академического

хулиганства, имеет за собой уже некоторую предысторию. За ее основу можно взять, ну, например, хотя бы гарвардскую лекцию прошлой зимы, а за риторическую тональность, ну, скажем, впервые случайно опробованный в Самаре, а затем продолжавший специфицироваться жанр лекции-перформанса, переживающий свою вот уже третью редакцию.

Поэзия (или конференция о ней) хороша тем, что, если вы приглашены к участию, вы можете предложить любые название и форму своего выступления, вы можете даже предложить рассказывать о том, «как научиться не писать стихи», скорее всего, этого никто не заметит в силу усталости глаз, автоматизма филологической точки зрения и, наконец, дефицита постоянных сотрудников, а самые зоркие сочтут, что это не такой уж плохой трюк.

Илл. 1: Афиша лекции-перформанса «Как научиться не писать стихи» в Университете Гиссена.

Поэтому, когда вам уже приносят доску, которая, как теперь же только и удастся выяснить, называется *flip-chart*, вам ничего не остается как приступить к своему мастер-классу со всей серьезностью.

В качестве множащихся предуведомлений сегодня идет 1) краткая история самого этого выступления, вырабатываемого полубессознательно, в ответ на просьбу «только что-нибудь попроще», а также 2) байка про студентов, которые просят посоветовать, как им быть после окончания

филфака, в ответ на что невозможно выдумать ничего лучше, как посоветовать *научиться не писать стихи*. Это одно из ключевых условий успешной карьеры в интеллектуальной сфере. Кроме того, эта способная показаться абсурдной только самой закоренелой и грубой аудитории рекомендация затрагивает сразу очень много струн в душе как филологической, так и общечеловеческой.

Во-первых, как знает сидящий в первом ряду профессор из Пенсильвании, автор предисловия уже не к одной поэтической книжке¹, что-то происходит со статусом самого поэтического ремесла, а также примыкающих к нему филологических техник, и звать невинных молодых людей в этот чудесный, старомодный и плохо оплачиваемый мир («за мной, мой читатель!») было бы попросту неэтично.

Во-вторых, уже внутри самого этого мира стали все чаще регистрироваться попытки тюнинга исследовательского аппарата и оцифровки исходного вдохновения. И это значит, что читать уже все написанное (так же, как раньше) никто не будет или будет некому. Как сказал по этому поводу поэт, «только google-книги читать, только google-мысли лелеять»...

Впрочем, мы отвлекаемся. Итак, эта контринтуитивная постановка вопроса – «как научиться не писать стихи» – словно следует из положительно решенного филологами вопроса «как научиться не читать тексты» а, к примеру, смотреть на них (не думая, не мигая)². Удержав первые пять-десять минут внимания гуманитарных исследователей, вы можете рассчитывать, что дальше оно волей-неволей начинает работать на вас, и вот уже обнаруживается, как это часто бывает в подобных случаях, целая «парадигма», состоящая из предшествующих интуиций по отказу от письма.³

В этот раз в нее, ко всем там уже накопленным, добавляется Чехов, которому – хоть он и не поэт – атрибутируют модернистский безнадежно-демократический боевой клич («Если можешь не писать – не пиши»), Кржижановский с его несколько картезианской версией («Уж настолько-то я поэт, что и стихов не пишу»), ну и далее по списку – Маяковский, Платонов, Хармс.⁴

И все же всегда остается вопрос: как *именно сегодня* не писать стихи?

Так, жест Маяковского уже можно признать существенным прогрессом литературных техник, поскольку он обнаруживает инструмент письма, вообще *выводит* процедуру письма *из себя*, выманивает его наружу – из статуса чисто трансцендентальной доблести («как сказаться душой»). И как только вопрос ставится в терминах «как делать стихи», это уже не совсем

¹ Platt (2018: 6-11).

² Арсеньев (2018: 16-34).

³ См. подробнее: Вила-Матас (2007).

⁴ Кржижановский С. (2010: 324-430). См. также об остальных приведенных случаях.

про то, чтобы их «писать».⁵ В данном случае, сообразно эпохе, в игру вступали индустриальные технологии и материальные объекты, которые начинают использоваться для письма, если верить письменным источникам, в самом начале последнего века до эры пандемии. Как писал поэт, пусть и в абстрактно-инструментальном смысле, «можно не писать о войне, но нужно писать войной»,⁶ и только значительно позже технически конкретизировал этот свой жест (фантазм) письма: «хочу, чтоб к штыку приравняли перо».⁷

Впрочем, мы снова отвлекаемся, хотя следовало бы уже обратить ваше внимание на то, что к индустриальным инструментальным метафорам дело не сводится,⁸ а сводится оно скорее к появлению на писательском столе материально-технических объектов, которые ранее было сложно там представить и которые были призваны помочь поэтам избавиться от их пагубной страсти, отказаться от письма – в пользу какого-то иного действия. Так, в случае действий, таящихся в *камне, лопате, штыке*, письмо представляло уже не (с)только когнитивную привилегию, но прежде всего мышечное усилие (порой – весьма выматывающее). Если в «тоннах словесной руды» от большей части объема приходится отказываться, а пишущие «пальцы ноют как от пилки дров»,⁹ мы можем с точностью лучших поэтических археологов датировать такие поэтические техники позднеиндустриальной эпохой.

Однако, по мере постиндустриализации поэтических процедур и жестикультурных репертуаров, предсказанных еще основателем *Центрального института труда* (допандемийной эпохи), в их соскальзывании от удара к нажатию, «движению плавному», физические усилия все больше ставятся под сомнение, а аппарат вдохновения перекалывает из энергетической машины в информационную.¹⁰ Но в любом случае нетрудно увидеть, что поэты уже давно *не столько писали*, сколько не переставали отказываться от (прежней модификации) жеста письма в пользу какой-то иной коммуникативной сцены.

⁵ Маяковский (1959: 81-117).

⁶ В одной из предшествующих публикаций такую *поэтику творительного падежа* мы выводим из чувствительности не только к деятельностному измерению, но и к инструментальной обшивке художественного акта, что подтверждается и названием статьи Маяковского «Вравшим кистью». Наконец, настоятельность требования «писать войною» своей грамматической конструкцией отсылает к знаменитым строчкам «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», а следовательно, и к тому гражданско-политическому этосу, которым пронизана вся конструкция поэтики Маяковского, равно как и к самой этой грамматике творительного падежа: «быть гражданином», «писать войною», не «врать кистью». См. подробнее: Арсеньев (2019: 257-277).

⁷ Маяковский (1957: 94).

⁸ К ним дело сводилось в одной из предшествующих публикаций: Арсеньев (2017а: 24-58).

⁹ Шаламов (1998).

¹⁰ Гастев (1966).

Если сначала в поэзии и использовались довольно примитивные инструменты (*камень, штык, лопата* и тому подобное), то по мере их технического усложнения, стало возможно примерно предсказывать, что должно стать следующим. В долгой истории ремесла *отказа от ремесла* способ не писать безостановочно эволюционировал, и *не-писать* сегодня так, как *не-писали* еще вчера, уже было нельзя, было равнозначно регрессу. Переизобретать техники отказа необходимо хотя бы потому, что все уже состоявшиеся способы *не-писать* тут же рутинизируются последователями и амортизируются филологической рецепцией. А порой и вовсе вписываются в школьную программу.

Наконец, можно позволить себе перейти к собственной истории успеха в этом деле *не-письма*.¹¹ Всем тем, чьей, как и в случае автора, второй профессией является редакторская, не раз приходилось замечать, что поэтов, прежде всего, слишком много. И мы просто не успеваем внимательно читать даже свои тексты, что уж тут говорить о чужих! Именно поэтому срочно необходимо доступное руководство, позволяющее быстрый и простой способ отказа от письма для всех и каждого. Нужно обращать внимание на те редкие просветленные моменты, когда удается не писать и внимательно регистрировать все факторы, которые к этому состоянию привели.

Впрочем, иногда такой луддизм в отношении литературных техник обрачивается только большей мануальной нагрузкой, благо почти не занимающей голову. Подобно тому, как это, судя по всему, имело место в одной из дошедших до нас работ («Много букв», Артерия/Зеленогорск, 2009)¹², в тех случаях, когда поэтам не хочется ничего писать, потом приходится много работать руками. Но уже хотя бы не писать! Хотя, учитывая легшие в основу стихийной текстовой композиции в лесу стихи Некрасова, все это еще можно признать рецидивом письма – возможно, потому и рекуперированное так легко артистической системой. На такие случаи стоит обращать особое внимание – ведь в них, при всех благих намерениях, разворачивается фатальный регресс к письму. Даже специально уехав в лес, поэты – особенно если они сбиваются в группу, в отряд – всегда рискуют начать писать *тем*, что первым подвернутся под руку. Даже если это пенопласт.

¹¹ Исходные опыты в этом жанре см.: Арсеньев (2017б: 71-76).

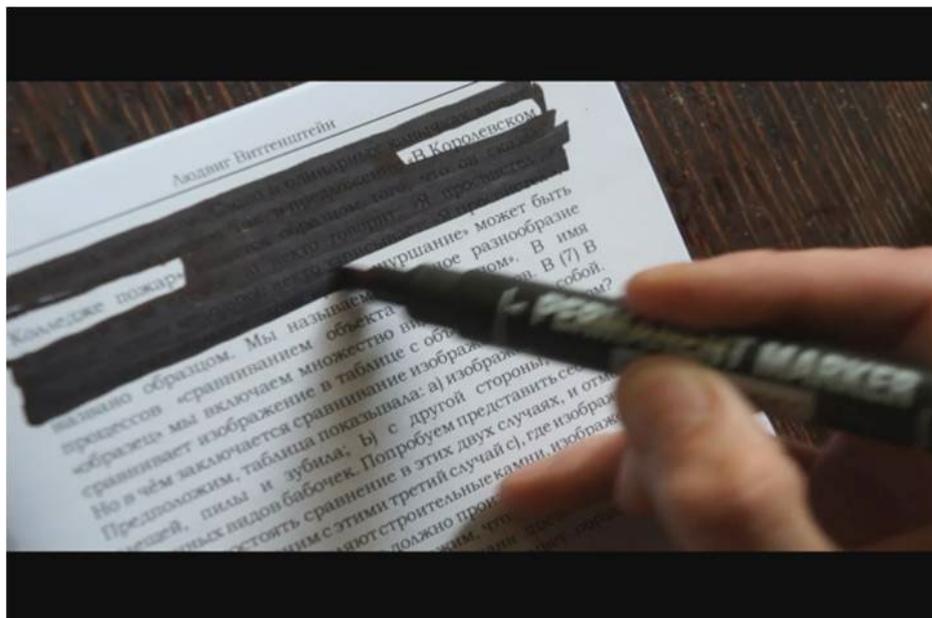
¹² См.: <https://vimeo.com/13866094> [29.07.2021].

Илл. 2: Инсталляция Лаборатории Поэтического Акционизма «Много букв», Зеленогорск, 2009 (с) ЛПА.

На смену этим филологическим играм («пройти сквозь текст», ага) в интересующей нас истории приходят и более радикальные опыты. Но поскольку какие-то академические обязанности или интеллигентские комплексы вытравляются обычно дольше всего, даже уже встав на путь борьбы с письмом, вы можете обнаружить кое-что полезное в древних книгах, а себя за их чтением – даже если понять ничего особенно в них уже не удастся. Как делает умный: он же не говорит, что он не понимает Витгенштейна, он пересказывает, вставляет, там, цитаты в PowerPoint. Следующая же из дошедших до нас работ исповедует альтернативную тактику. Она («Примечания переводчика», Текстологии/Петербург, 2013)¹³ материально фиксирует сам момент не-понимания, когда мозг как информационная машина уже не справляется, то есть эмулирует ситуацию так называемого *прекарного чтения*, диагностированного еще на заре эры пандемии, и реализует ее графически (заодно нанося существенный урон текстовому массиву).

¹³ http://arsenev.trans-lit.info/?p=18&lang=ru_RU [29.07.2021].

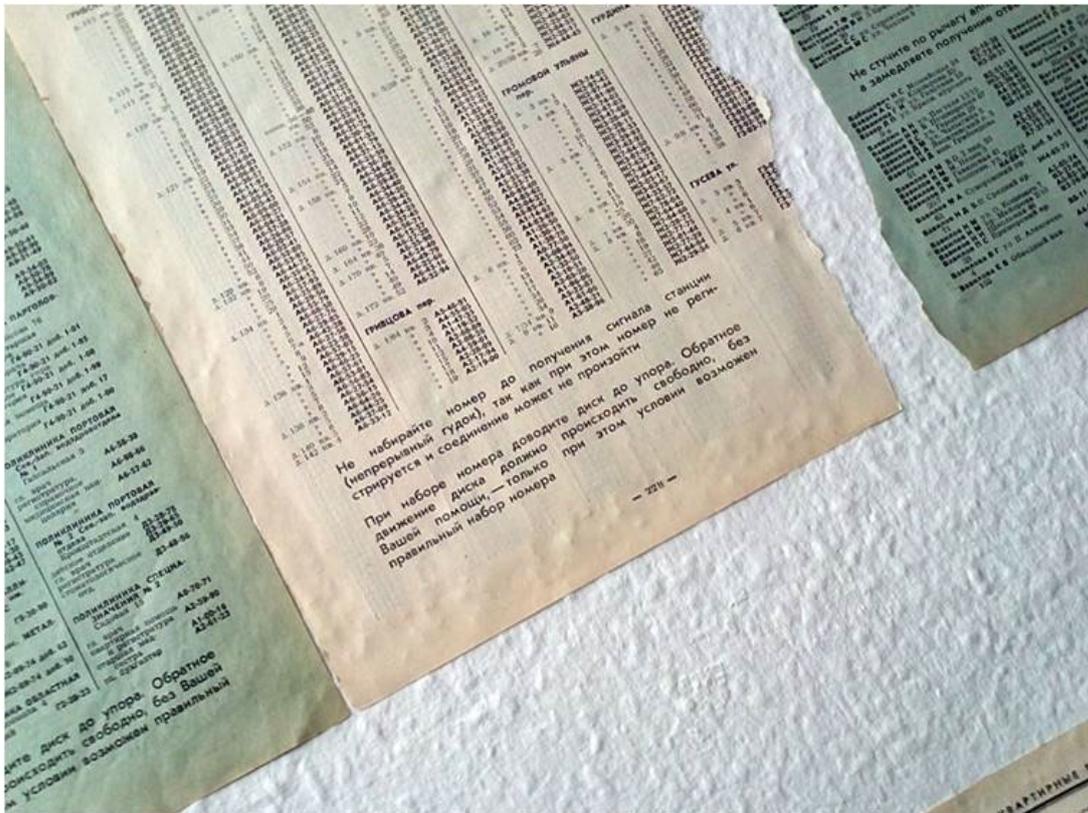
Илл. 3: Кадр из текст-монтажа Павла Арсеньева «Примечания переводчика», Петербург, 2013 (с) Павел Арсеньев, видео/фото: Сергей Югов.

Специалисты спорят в отношении этого образца, должна ли идти речь о первичности поэтического текста (впоследствии экранизированного) или о первичности видео-сцены (реконструирующей его написание и тем самым присутствующей уже до письма), но, в сущности, этим и должны заниматься трудоустроенные специалисты-филологи – спорить. А для нас и так очевидно, что и в этом случае поэзии все еще остается слишком много места. Жанр *оммаж-атаки*, как мы могли бы это определить, сочетает достоинства интеллектуального компромисса и физической агрессии по отношению к носителю текстов. Но, как и только что приведенный пример, он все еще остается чреват выходящими (пусть и в качестве побочного эффекта) стихами. А надо чтобы не писалось вообще!

Если вернуться к задачам последовательной историзации способов не писать, необходимо обратить внимание на описания и руководства пользователей аппаратов вдохновения. Благодаря этим источникам вневременная идеология творчества заземляется на исторически конкретизированную технологию распределенной записи. Как несложно заключить по дошедшим до нас видео-материалам («31 инструкция по эксплуатации поэтического аппарата», Büro für kulturelle Übersetzungen/Лейпциг, 2015)¹⁴, начиная с

¹⁴ http://arsenev.trans-lit.info/?p=10&lang=ru_RU [29.07.2021].

середины последнего допандемийного века Орфей¹⁵ должен был пользоваться уже не штыком или лопатой (в отличие от своих недавних предшественников), а радиочастотами или телефонными проводами, когда те уверенно вошли в широкое массовое сознание.

Илл. 4: Фото общего вида инсталляции Павла Арсеньева «31 инструкция по эксплуатации поэтического аппарата», Büro für kulturelle Übersetzungen, Лейпциг, 2015 (с) Павел Арсеньев.

Характерно уже то, что понять, как работает этот аппарат, можно только из того, как он ломается – то есть из инструкций по его дисциплинированному использованию, указывающих, соответственно, и на девиации (пока те и другие вообще были еще необходимы – то есть до наступления эпохи интуитивных интерфейсов и рекуперации технологий творческого беспорядка платформенным капитализмом). Иногда на полпути к полному отказу от письма можно ненадолго остановиться – для составления перечня неисправностей работы поэтического аппарата, который, как можно заметить, начал ломаться, как только был технически конкретизирован.

¹⁵ В то время все еще остававшийся парадигматической фигурой поэта, пока наконец не был заменен в этом протоколами цепей Маркова. См. подробнее о последних: Куртов (сост., 2017).

(Это можно вывести и из поломок модернистской политики. Последние, впрочем, можно и не учитывать, поскольку изобретение способа не-письма должно быть заметно в истории литературных техник и само по себе. А то ведь многим непременно требуется при разборе поэзии учет политических неисправностей момента. С нашей же точки зрения, стихи нужно *не писать* так, чтобы сделать это не только всеобщим законом, но и чтобы их можно было (не) читать, не зная ничего о ближайшем политическом контексте (но чтобы при желании он в этих поломках обнаруживался) и видя, прежде всего, сами вывихи дискурсивного и медиа-жанрового протокола).

И все же некоторые рассматриваемые далее работы, несмотря на совершенно автономный характер своей неисправности, нет-нет, да и сигнализируют о социальных поломках, а порой и чисто бытовом неблагополучии, заложником которых становится не-пишущий. Так, в случае следующего (не без труда – из-за халатного отношения хранителей) дошедшего до нас образца мы можем позволить себе контролируемое биографизирующее отступление-реконструкцию. Когда автору «Текстов, найденных под обоями» (Manifesta10/ Санкт-Петербург, 2014)¹⁶ довелось по смешанным учебно-терапевтическим причинам покинуть родину и, как встарь какому-нибудь романтическому идиоту, оставить возлюбленную, семью и отправиться в далекие странствия, чтобы найти себя (и потерять на это много времени), а по возвращении налаживать свой литературный быт с нуля и по началу уютиться в некоем углу с ободранными обоями. При этом, как часто бывало в ситуации прекарного творческого работника, тут же нужно было снова делать искусство, и, чтобы его все же *не-делать*, однажды утром, просыпаясь и созерцая узоры из ободранных обоев, глаза сами обнаруживают уже готовую *текстовую инсталляцию*, как тут же пришлось обозначить эту жанровую характеристику.

¹⁶ http://arsenev.trans-lit.info/?p=15&lang=ru_RU [29.07.2021].

Илл. 5: Фрагмент поэтической инсталляции Павла Арсеньева «Тексты, найденные под обоями» (Manifesta10, Петербург, 2014) (с) Павел Арсеньев, фото: Кирилл Адибеков.

Все дело в том, что до конца допандемийной эпохи на родине автора, тогда называвшейся «Россия», существовало некоторое поверье, из которого очевидно и следовал этот магический ритуал – обклеивания стен жилища газетами, содержащими тогда самые высокие концентрации *дискурсивного бессознательного*. Обратим внимание, что здесь происходит наиболее радикальный способ отказа от письма из всех уже разобранных, однако наряду с самим отказом автору удается каким-то непостижимым контрабандным образом привилегировать отдельные дискурсивные участки – в быту фокусировать внимание на них помогали простые деревянные рамки, отодранные с других картин, уже не представлявших возможности. Последующая художественная критика, разумеется, назвала эту технику *рефреймингом* (она же назвала это все позже «дискурсивным бессознательным», как вы прекрасно понимаете, не сам же автор это все придумал).

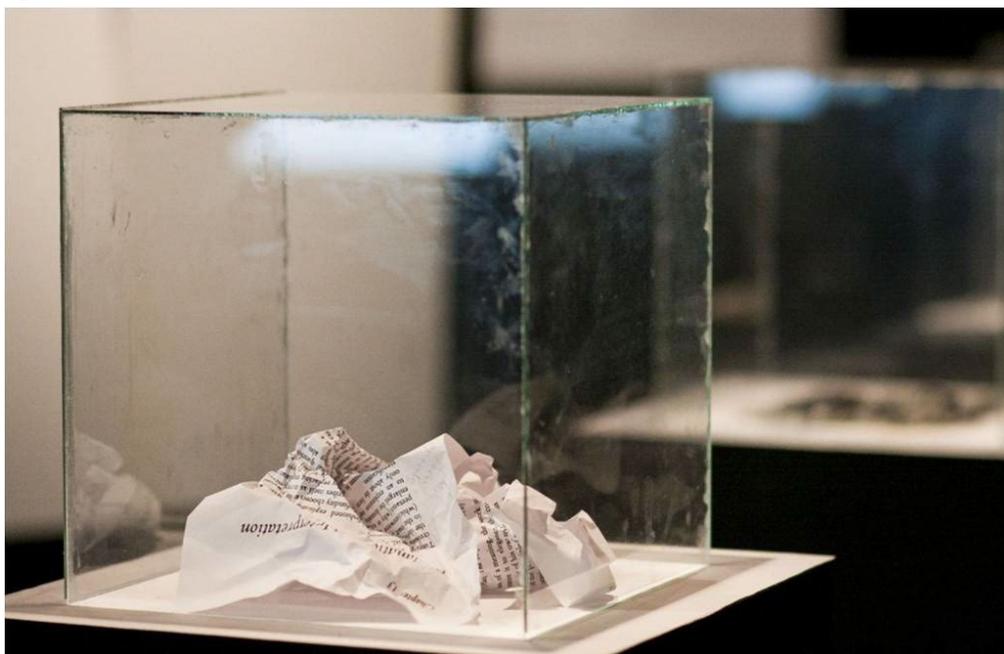
В качестве промежуточного вывода можно сформулировать, что исходным заданием, «установкой» должно быть не просто *не-писать*, но *делать все что угодно* («faire n'importe quoi») вместо этого – то есть, обращаться к любым техникам, идти на любые сговоры с материалами и на институциональные компромиссы, но только не писать! В качестве последнего примера, уже скорее запоздало каталогизирующего различные способы не писать, можно привести «Материальную поэзию» (Лендок / Санкт-Петербург, 2015)¹⁷ или, как было сформулировано чуть позже при схожих обстоятельствах, «Poésie objective» (Matadero / Madrid, 2016)¹⁸. Эти дошедшие до нас опыты обращают воспетые выше процедуры негации на саму бумагу и

¹⁷ http://arsenev.trans-lit.info/?p=316&lang=ru_RU [29.07.2021].

¹⁸ http://arsenev.trans-lit.info/?p=665&lang=ru_RU [29.07.2021].

привлекают иные стихии материальности. Хотя и в их случае в основании можно при желании обнаружить порочную практику чтения написанного ранее другими – впрочем, такими другими, которые и сами, возможно, впервые в человеческой истории, размышляли о том, как же можно не писать:

Если они действительно хотели выразить в словах этот клочок бумаги, то это невозможно, потому что чувственное «это», которое подразумевается, недостижимо для языка. При действительном осуществлении попытки выразить в словах этот клочок бумаги он от этого истлел бы. Те, кто начали бы описание его, не могли бы закончить это описание, а должны были бы предоставить это другим, которые в конце концов сами признали бы, что говорят о вещи, которой нет.¹⁹

Илл. 6: Один из объектов цикла объектов Павла Арсеньева «Материальная поэзия», Лендок, Санкт-Петербург, 2015 (с) Павел Арсеньев, фото: Дарья Воруйубиваева.

¹⁹ Гегель (1959: 58).

Илл. 7: «Je est un autre». Субъективные
мне на стене. Объект из серии «Poésie
objectif» (Matadero/ Madrid, 2016) (с)
Павел Арсеньев, фото: Paco Gómez / Ma-
tadero.

Илл. 8: «Disparition illocutoire». Книга
художника, полная сомнений о резуль-
тате броска костей. Объект из серии
«Poésie objectif» (Matadero/ Madrid, 2016)
(с) Павел Арсеньев, фото: Paco Gómez /
Matadero.

Наконец, в заключение этой небольшой интервенции
Я хотел бы поблагодарить очень многих,
без кого эта лекция была бы невозможна:
Университет Гиссена и лично Дирка Уффельмана
Я также хотел бы поблагодарить и Католическую церковь Св.Анны,
где мне удастся недорого арендовать комнату
(400 евро для Швейцарии совсем немного)
Я хотел бы поблагодарить свою бедную молодость
и пролетарское происхождение,
отсутствие арт-бюджетов в Питере
и наличие времени на чтение
Поблагодарить Почтовое отделение
на Канонерском острове, которое продавало только диал ап интернет
Я хотел бы поблагодарить своих учителей, которых мне всегда не хватало и
которых у меня никогда на самом деле не было
Я хотел бы поблагодарить вахтершу филологического madame Rybokov', за
то что наш доступ на территорию факультета был столь осложнен (было чем
заняться)
Я хотел бы поблагодарить судьбу
Я хотел бы поблагодарить Георга Фридриха Вильгельма Гегеля
Я хотел поблагодарить наших осветителей (без вас было бы совсем темно)
Я хотел бы поблагодарить нашу национальную гордость
Я хотел бы поблагодарить Веселого молочника, ЖКС #32 по Ораниен-
баумскому округу города Санкт-Петербурга
Я хотел бы поблагодарить всех дам за скромные и вычурные манеры
Я хотел бы поблагодарить всех вас – за вашу скромность и гостеприимство

Литература

- Арсеньев, П. (2017a): Коллапс руки: производственная травма письма и инструментальная метафора метода // Логос. Т.27, 6. 121. 23-58.
https://intelros.ru/pdf/logos/2017_06/121_2.pdf [31.07.2021].
- Арсеньев, П. (2017b): *Poésie objective*, или о документальных поэтических объектах // Транслит. 19. Объектно-ориентированная поэзия. 71-76.
- Арсеньев, П. (2018): «Видеть за деревьями лес». О дальнем чтении и спекулятивном повороте в литературоведении // Новое литературное обозрение. 150. 16-34.
https://www.academia.edu/36848022/Видеть_за_деревьями_лес_О_дальнем_чтении_и_спекулятивном_повороте_в_литературоведении [31.07.2021].
- Арсеньев, П. (2019): «Писать дефицитом»: Дмитрий Пригов и природа «второй культуры» // Новое литературное обозрение. 155. 257-277.
https://www.academia.edu/38403557/Писать_дефицитом_Дмитрий_Пригов_и_природа_второй_культуры [31.07.2021].
- Вила-Матас, Э. (2007): Бартлби и компания / Пер. Н. Богомолова. М.
- Гастев, А. (1966): Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М.
- Гегель, Г. (1959): Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. Соч. в 14 тт. Т.4. Ч.1. М.
- Кржижановский, С. (2010): Записные тетради // Он же: Собр. соч. в 6 тт. Т.5. СПб. 324-430.
- Куртов, М. (сост., 2017): Лактат Гагарина: избранное собрание поискового спама. СПб.
- Маяковский, В. (1959): Как делать стихи [1926] // Он же: Полное собрание сочинений: В 13 тт. Т.12. Статьи, заметки и выступления 1917–1930 гг. М. 81-117.
- Маяковский, В. (1958): Домой! («Уходите, мысли, во-свояси...») // Он же: Полное собрание сочинений: В 13 тт. Т.7. Стихотворения второй половины 1925 года – 1926 года и очерки об Америке. М. 92.
- Шаламов, В. (1998): (о моей прозе) [1971] // Он же: Собрание сочинений: В 4 тт. Т.4. М.
<https://shalamov.ru/library/21/61.html> [31.07.2021].
- Platt, K.M.F. (2018): Pavel Arseniev's intervention in lyric. In: Arseniev, P.: Reported Speech. New York. 6-11. http://arsenev.trans-lit.info/wp-content/uploads/2018/11/Arseniev_ReportedSpeech.pdf [31.07.2021].

Иллюстрации

Иллюстрации 1-8, права принадлежат Павлу Арсеньеву.

Авторы фото:

Илл. 1 (афиша): Михаил Куртов

Илл. 5: Кирилл Адиебеков

Илл. 6: Дарья Воруйубиваева.

Илл 7-8: Расо Gómez/Matadero.